

Жанровое разнообразие фольклорных произведений в записях Л. А. Варковицкой на фоне обыденной лексики и паремий (К 100-летию со дня рождения)

О селькупках писали многие исследователи, однако целенаправленное изучение селькупского языка в XX в. связано, прежде всего, с именами Георгия Николаевича Прокофьева (1897—1942) и его жены Екатерины Дмитриевны Прокофьевой (урожденная Боровкова; 1902—1987), автобиографии которых см. в [Казакевич 2008/2009: 258—262]. В 1925—1928 гг. Г. Н. Прокофьев, работавший заведующим школой-интернатом в поселке туруханских селькупов Янов Стан (Туруханский район Красноярского края), занимался изучением языка северных селькупов. Название «селькупы» (вместо «остяко-самоеды») было введено в 1930-х гг. Г. Н. Прокофьевым.

В 1934 г. в Ленинграде вышла книга для чтения в первом классе на селькупском языке П. Н. Жулева — “Тоqьлтъртæt сãть тоqьлтърсãтьl' пãкьгьl laka (posukol' pelæktь)” (76 с.) [Жулев 1934]. В составлении книги приняли участие Г. Д. Вербов и Т. С. Карпова, а на селькупский язык ее перевела Е. Д. Прокофьева. Вслед за этой книгой в 1935 г. вышла книга для чтения во втором классе Е. Д. Прокофьевой — “Тоqьлтъртæt сãть tantaltърсãтьl laka (II pelæktь)” (104 с.) [Прокофьева 1935]; эта книга была составлена на основе стабильного учебника Е. Я. Фортунатовой.

В 1937 г. в первой части труда «Языки и письменность народов Севера» были опубликованы четыре статьи Г. Н. Прокофьева о ненецком, нганасанском, энецком и селькупском языках, а в 1938 г. термины «самоеды» и «самоедский» были заменены на «самодийцы» и «самодийский» соответственно.

Едва ли не единственным учеником, напрямую продолжившим дело своего учителя, была аспирантка Г. Н. Прокофьева — Людмила Александровна Варковицкая (11.04.1913—07.05.1987), в 1930—1935 гг. учившаяся в Ленинградском институте истории, философии и лингвистики (в дальнейшем — филологический факультет ЛГУ). Ее записи будут рассмотрены в следующих разделах.

1. Специфика записи полевых материалов в тетрадях Л. А. Варковицкой. Самооценка и комментарии к текстам

В районе, где в 1925—1928 гг. работал Г. Н. Прокофьев (в поселениях Монастырское, Янов Стан, Верхняя и Нижняя Баиха, Турухан), спустя 16 лет его ученица Л. А. Варковицкая собирала материалы для своей кандидатской диссертации по глагольному словообразованию в селькупском языке (в поселках Турухан, Верхняя и Нижняя Баиха).

Время начала этой работы совпало с годом и месяцем начала Великой Отечественной войны; о начале войны Л. А. Варковицкая узнала только тогда, когда через с. Фарково пошли новобранцы на фронт. От этого времени (осень 1941 г.) сохранился документ — справка из Красноярска, по которой Людмила Александровна возвращалась домой (текст приводится без поправок). «Мною сотрудником (аспирантом) Института народов Севера Л. А. Варковицкой сдано на хранение в Красноярский краевой музей рукописный материал: Словарь селькупского языка, девять тетрадей с записями селькупского фольклора с подстрочным переводом и две школьных тетради по селькупскому языку. Всего 12 тетрадей. 18/X — 41г. г. Красноярск. Варковицкая». Можно представить себе, с каким трудом, в связи с началом войны, исследовательнице удалось добраться до Москвы вместо Ленинграда (Институт народов Севера, где она в то время училась в аспирантуре, был закрыт).

В 1944—1947 гг. Л. А. Варковицкая состояла аспирантом Института языка и мышления им. Н. Я. Марра в Москве, а в дальнейшем стала работать в Институте национальных школ Академии педагогических наук РСФСР (современный ИНПО — Институт национальных проблем образования). Людмиле Александровне удалось сохранить свой архив, используемый в данной статье; после ее смерти он был передан родственниками нам с Е. А. Хелимским.

В 1947 г. в Институте языка и мышления АН СССР Л. А. Варковицкая защитила диссертацию на тему «Глагольное словообразование в селькупском языке (по материалам баишенского говора)» [Варковицкая 1947]; помимо основного текста диссертация включает в себя три приложения.

Нетривиально Приложение № 1, содержащее три текста на селькупском языке с переводами: сказку Гани Мантакова о лесной чертовке (*Macil' losьl' imal' captæ*), сказку И. В. Безруких о двух девушках

(*Šitty natenkal' captæ*) и текст С. П. Кусамина «Шаманская дорога» (*Tətəpyl' mətə*). В двух первых сказках (одна из них с реалистическим содержанием, другая — с фантастическим) язык типичен для баишенского диалекта того времени, а третий текст (шаманский) отличается от первых своим архаическим языком. Ко всем трем текстам даются грамматические комментарии, представленные в алфавитном порядке.

Интересно, что в годы написания диссертации Л. А. Варковицкая не использовала кириллицу, объясняя это тем, «что перевод селькупской письменности на русскую систему графики был очень несовершенен» [Варковицкая 1947: 266], с чем трудно не согласиться. Отмечая ряд особенностей фонетики баишенских селькупов (по сравнению с тазовским диалектом), Л. А. Варковицкая подчеркивала, что «баишенский говор не знает трех степеней озвончения согласных» [там же: 267]; в тазовском диалекте звонкость также не фонематична и обусловлена комбинаторно. Более того, «в баишенском говоре вообще нет звонких согласных (кроме сонорных)», а глухие *p*, *t* и *k* являются регулярными, как и в тымском диалекте [там же: 267]. Также Л. А. Варковицкая упомянула о частой замене *w* звуком *m* в начале слова (например, *wəttu* — *məttu*); звук *w* в начале слова вообще редко употребляется [там же: 268].

Обращает на себя внимание также использованная Л. А. Варковицкой библиография: семь работ на немецком языке (две — М. А. Кастрена, четыре — К. Доннера, одна — Г. Н. Прокофьева), остальные семь — на русском. Среди них представлены труды о глагольных категориях в башкирском, финно-угорских и самодийских языках, а также в палеоазиатских, кумыкском, дунганском и русском. Соотношение узкоспециальных работ и работ, упоминаемых для сравнения, говорит в пользу автора: 70 лет назад Людмила Александровна шла по «целине», прокладывая дорогу той сотне (?) людей, которые изучают селькупский язык сейчас, и (возможно) уже сотням лингвистов, использующим селькупский для сравнения с другими языками при типологических исследованиях, широко распространенных в настоящее время.

В 1950-е годы, в период работы в Институте национальных проблем образования (ИНПО), Л. А. Варковицкая посетила места прежних сборов селькупских полевых материалов. В 1951 г. она работала с Афанасием Григорьевичем Сайготиным (1913 г. р.), который, по словам А. И. Кузьминой, встречавшейся с ним в конце 1960-х гг., учился в Ленинграде. По собственным его словам, сообщенным А. И. Кузьминой, он пытался «написать по-селькупски грамматику селькупского языка, используя в качестве основы теоретические разделы одной из школьных или вузовских грамматик (текст начинается с определения предложения как законченной мысли, выраженной цепочкой слов)» [Тучкова, Хелимский 2010: 19]. Как пишет Н. А. Тучкова, А. Г. Сайготин «создает неологизмы (напр., *томтармо* ‘предложение, высказывание’ от *tomtə-* ‘сообщать, высказывать’, названия падежей и других словоизменительных категорий), снабжает текст примерами из живой селькупской речи и составленными им самим таблицами парадигм» [там же: 19]. Грамматика, которую пытался создать А. Г. Сайготин, возможно, была сделана другими людьми, зато, судя по всему, по его инициативе. В ней также был дан перевод фрагмента «Сказки о мертвой царевне и семи богатырях» А. С. Пушкина на селькупский язык [там же: 20].

В отличие от А. И. Кузьминой, работавшей с А. Г. Сайготиным в 1960-е гг., Л. А. Варковицкая, как уже было сказано, познакомилась с ним значительно раньше и записала от него материал для «Русско-селькупского словаря» [Варковицкая 1951]. Это был, судя по записи в блокноте, «Примерный словарь русских слов для подготовительного класса». Блокнот имеет 26 листов, которые с двух сторон исписаны словами, расположенными в алфавитном порядке; было собрано около 900 слов. Следует отметить, что во всех предыдущих экспедициях записи велись на латинице, в 50-е и последующие годы стала использоваться кириллица, а со временем и все записи испытали значительные изменения. Переход с латиницы на кириллицу вызвал появление ошибок в записях, которые не сразу были замечены и исправлены Л. А. Варковицкой (в данной статье запись приводится без изменений).

Первым словом в [Варковицкая 1951] стоит слово ‘август’ *вэ́нты ир́ат*, а последнее слово на 26 листе — ‘чайка’ *жалик*. В словаре встречаются все части речи, причем **глаголы** нередко даются не в форме инфинитива, а в форме произвольно выбранной глагольной категории (например, в форме первого или третьего лица единственного лица или в повелительном наклонении): *жамнынпаты* ‘наливает’, *жаттаты* ‘налей!’, *рисоваинжо* ‘(на)рисовать’, *илак* ‘живу’ и т. д. Встречаются **числительные**: 11 — *уккыр коль кот*, 20 — *щиты сар* (правильное написание должно быть *šittysar / šitsar*, где *-sar* — это суффикс; ср. *šitty tesar < tetty + -sar*, т. е. 2 x 40 = 80). Также приведены **прилагательные** (например, *минынтыль* ‘острый’, *тамтырыль* ‘народный’) и **местоимения** (*тэп* ‘он, она, оно’, *тэпыт* ‘они’ и т. д.). **Существительные** часто состоят из нескольких слов: ‘кухня’ — *апсылъ учинтыль мот* (букв. ‘продуктовый / пищевой мастерящий дом’), ‘лапа’ — *уты* и *топы* (т. е. ‘рука / передняя лапа животного’ и ‘нога’), ‘кузнец’ — *кэзыль учинтыль жуп* (букв. ‘железное мастерящий человек’), ‘кнут’ — *чунтын ныржаптымпытыль тэмы* (букв. ‘лошадь пугающая веревка’), ‘больница’ — *лечитынталь мот* (букв. ‘дом, где лечат’), ‘бедняк’ — *жоцицик жалык илынтыль жуп* (букв. ‘плохо оставшийся одинокий человек’), ‘волк’ — *оталь амырыль сурпы* (букв. ‘оленья пожирающий зверь’) и т. д. Следует оговорить, что в приводимых записях

встречается много неточностей: например, в последнем примере надо было бы писать *ṣtäl' amyryl' sūryp* 'волк'. Судя по всему, при записи текстов Л. А. Варковицкой было трудно «переключаться» с привычной для нее латиницы на кириллицу и подбирать диакритики для отдельных букв.

Вместе с тем, сделанные в разных местах и в разные десятилетия записи могут отражать значительные изменения в языке. Так, в словаре [Казакевич, Будянская 2010: 150] приведенное выше слово *учин-тыль* (от *учинџо / учынџо*) означает 'обучающий' и рассматривается как заимствованное из русского языка, а в записях Л. А. Варковицкой имеет также значение 'мастерящий' (см. выше примеры на существительные 'кухня' и 'кузнец'); значение 'работать, мастерить' в [Казакевич, Будянская 2010: 151] отмечено у глагола *џчыџо*.

Особое место в [Варковицкая 1951] занимают записанные вразброс **наименования месяцев**: 'январь' — *чиџыралъ кониль ир́аты*, 'февраль' — *џыра́ ир́аты*, 'март' — *лимпы ират*, 'апрель' — *то'каль ир́ат*, 'май' — *нич́ат тырыль*, 'июль' — *вэ'рџы кэты ир́ат*, 'сентябрь' — *чопыкытыль ираты*, 'декабрь' — *копты чельль ир́ат*. Названия для июня, августа, октября и ноября не включены в данный блокнот, однако их можно встретить в других записях.

В разных селькупских селах месяцы нередко имеют разные наименования, хотя почти все из них мотивированы природными явлениями или хозяйственной деятельностью: например, апрель называют не только *tökal' iräty* 'гусиный месяц' (ср. запись в предыдущем абзаце), но и *šepä iräty* 'бурундучий месяц'. Наибольшее разнообразие (при расширении круга опрашиваемых, в том числе из разных мест) отмечено в названиях июля и ноября: июль называют *wərgy kätty iräty* 'месяц больших заготовок', *n'imyräl' iräty* 'месяц мошки', *wərgy iräty* 'большой месяц', *tanjyt čontyl' iräty* 'месяц середины лета'; ноябрь — *qoryn ɔmtyl' ɔl'čypyl' iräty* 'месяц отпадения рогов оленей самцов', *täpăččyl iräty* 'белкования месяц', *šoka iräty* 'сучий месяц'. Нередко мнения самих носителей языка расходятся в отношении наименований месяцев: так, по одной версии, *qəpty čely iräty* 'олений-самцов месяц' — это ноябрь, а по другой — декабрь [Кузнецова 1976: 45—49].

В селькупском языке все чаще появляются **неологизмы**, что видно по приводимым ниже примерам. При этом они нередко представляют собой сочетания слов, из которых одно является исконным (селькупским), а другое — лексемой с русским корнем и селькупскими суффиксами и / или окончаниями: *лечитынталь мот* 'больница', *окощкат по* 'рама', *чернилаль торџы* 'чернильница', *яблокат по* 'яблоня'. Рассмотрение хотя бы нескольких лексем и словосочетаний, соответствующих одному слову в русском языке, наводит на мысль, что перед нами, скорее всего, слова-«однодневки». Действительно, несмотря на то, что к концу прошлого века число подобных словосочетаний заметно возросло, вскоре они стали вытесняться русскими словами. Случается, что заимствованное из русского языка слово получает в селькупском новое значение, например: *патарка* — это и 'подарок', и 'награда'. Все возрастающий рост заимствований из русского языка привел к тому, что уже в конце прошлого столетия молодые селькупы отказывались говорить на родном языке, запрещая это делать и своим родителям [Кузнецова 2007: 15—19]. Языковая ситуация обстоит лучше среди представителей старшего поколения, живущих в лесу, изолированно от поселковых родственников, не только внуки, но и дети которых часто не говорят на родном языке и не позволяют делать это старшим.

Среди многочисленных учебников и текстов на селькупском языке в русской графике наибольшей известностью пользовались неоднократно переиздававшиеся словари (например, «Словарь селькупско-русский и русско-селькупский» С. И. Ирикова [Ириков 1988]) и книги для чтения школьникам младших классов. В 1980 г. в Москве вышли «Очерки по селькупскому языку (Газовский диалект)» [ОчСЯ 1980], издание книг по этому диалекту селькупского языка было продолжено в 1993 г. [ОчСЯ 1993] и 2002 г. [ОчСЯ 2002]. В 2007 г. в Воронеже вышла в свет монография о селькупах Туруханского района Красноярского края [Кузнецова 2007]. Последним из изданных словарей селькупского языка (после некоторого перерыва) стал уже упомянутый нами словарь северных говоров селькупского языка О. А. Казакевич и Е. М. Будянской [Казакевич, Будянская 2010].

В послевоенное время работа с северными селькупками шла в разных населенных пунктах, с разными интервалами и разными задачами, стоящими перед исследователями; она продолжалась в общей сложности в течение 40 лет (начиная с 1970 г.). За это время были осуществлены десятки экспедиций (в Сидоровск, находящийся поблизости от древней Мангазеи, Красноселькуп, Фарково, Туруханск, Горошиху, Ратту и т. д.), велась переписка с некоторыми информантами. Иногда в Москву приезжали селькупы из с. Красноселькуп (ЯНАО), от которых были записаны новые варианты старых селькупских сказок, реже — новые сказки или рассказы о современной жизни селькупов (например, о праздновании 60-летия Красноселькупа). По социолингвистическим анкетам было опрошено около 100 человек, многие из которых уже умерли.

О замечательном архиве Л. А. Варковицкой и его содержании писалось не единожды. В 1989 г. было сообщено о селькупских материалах в рукописном наследии Л. А. Варковицкой, а также приведена

классификация фольклорных произведений, записанных собирательницей (с учетом их жанрового разнообразия) [Кузнецова, Хелимский 1989]. В 2004 г. было опубликовано полное содержание девяти тетрадей из архива Л. А. Варковицкой, а также тексты Г. Н. Прокофьева и выдержки из его дневника, переписанные в свое время Л. А. Варковицкой [Мифология селькупов 2004: 337—340] (см. также [Selkup Mythology 2010: 277—280]). Статья о маргиналиях в полевых тетрадях Л. А. Варковицкой была напечатана в 2009 г. [Кузнецова 2008/2009].

Архивные материалы Л. А. Варковицкой представляют огромную ценность, они могут быть рассмотрены со многих точек зрения. В частности, обращают на себя особое внимание следующие два момента.

1) Записи воссоздают разговорный язык северных селькупов более чем полувековой давности (1941 и 1951 гг.).

2) Сравнение материалов, собранных в 1941 г. и 1951 г., с записями 1970-х гг. (полученных в ходе пяти экспедиций) и записями конца XX — начала XXI в. выявляет постепенные изменения, происходившие в северных диалектах селькупского языка с разной скоростью и в силу различных причин. К таким причинам относятся война и запрет на обучение на родном языке в школах-интернатах, а как следствие этого — отказ молодого поколения от родного языка и требование к старшим не говорить на нем.

Следует также сказать, что в 2008 г. Государственная Дума Ямало-Ненецкого автономного округа издала Федеральные законы и законы ЯНАО, в числе которых на селькупском языке представлены Конституция РФ, Земельный кодекс РФ, три Федеральных закона и три закона ЯНАО, а также Постановления о Концепции развития коренных малочисленных народов Севера ЯНАО.

В следующем разделе речь пойдет не только о содержании архивных материалов Л. А. Варковицкой, их возможной классификации и селькупском малом фольклоре (пословицах, поговорках и т. д.), но и о манере работы исследовательницы и специфике записей в ее полевых тетрадях.

2. Классификация маргиналий в тетрадях Л. А. Варковицкой

Маргиналии в рабочих тетрадях Л. А. Варковицкой, о которых уже шла речь в [Кузнецова 2008/2009], представляют собой не только фонетические и лексико-грамматические комментарии к текстам; они содержат также многочисленные дополнительные сведения о быте, нравах, верованиях селькупов и о многом другом. Так, при записи одного из текстов в с. Красноселькуп (сентябрь 1951 г.) появилась маргиналия с оценкой рассказчика: «Старик прямо актер, он жестикулирует, поет, говорит разными голосами» [Варковицкая Красноселькуп 1951: 4].

В 1941 г., занимаясь фольклором туруханско-баишенских селькупов, Л. А. Варковицкая составила классифицирующую аннотацию к 79 текстам из собранной коллекции, насчитывающей всего 95 текстов. Исследовательница выделила восемь групп текстов, которые были проанализированы ею в отчетном году.

1. **Героический эпос** (сказания о богатырях и войнах): 24 текста, в которых рассказывается о войнах селькупов с ненцами и тунгусами, реже — с русскими. Войны с ненцами отличаются наибольшей жестокостью. Эти тексты дают также сведения о военной организации (сотни, тридцатки и т. д.) и о вооружении (например, амбары для оружия) селькупов.

2. **Сказки** (24 текста) подразделяются на пять разновидностей.

а) **Волшебные сказки**: действующие лица — черти (*losy*), покойники, Бог-небо, животные (наряду с обычными людьми); доброе начало обычно побеждает злое.

б) **Бытовые сказки** с некоторым фантастическим элементом (6 текстов): типичные действующие лица — мать и мачеха, вздорные старик и старуха.

в) **Сказки русского происхождения** (4 текста) поражают изменениями в русском сюжете и северным колоритом (что может быть интересно и для исследователя русского фольклора).

г) **Детская сказка** встретилась едва ли не в единственном числе (о детях, брошенных родителями, но вернувшихся к ним с мешком золота).

д) **Плутовские сказки** об Иче и его бабушке (9 текстов); по мнению Л. А. Варковицкой, «это комические сказки о плуте Иче, который хитростью всегда выходит победителем из борьбы с чертями и людьми. Обычно все свои козни он проводит с помощью своей бабушки. В ряде деталей Ича неожиданно напоминает восточного Хаджи Насредина». Интересно, что в год 60-тилетие юбилея Красноселькупского района ЯНАО (2004 г.) Ича был признан героем селькупского народа и в его честь были поставлены памятники «Ича-рыбак», «Ича-охотник» и «Ича-оленовод», так за полвека изменилась интерпретация данного фольклорного персонажа. Более того, существует много вариантов мифов об Иче, которого часто называют Ий (обычно у южных селькупов).

В 1940-е гг. не только взрослые селькупы, но и дети знали и рассказывали сказки, однако после 50-х гг. знание фольклора пошло на убыль. Уже в последней трети XX в. (1970-е гг.) далеко не все ста-

рые люди помнили родной язык настолько, чтобы рассказывать сказки, а старики, еще помнящие свой язык, забыли фольклор (а кому они могли рассказывать сказки, если детям в школе не разрешали говорить на родном языке?). На грани тысячелетий оказалось, что люди старшего поколения не могут говорить с молодыми на родном языке, поскольку те не знают его и не хотят на нем говорить; при этом старики не имеют возможности общаться с молодыми и на русском, т. к. знают его плохо.

3. **Бытовые рассказы** в тетрадах Л. А. Варковицкой встречаются редко.

4. **Шаманские рассказы** (8 текстов), по мнению Л. А. Варковицкой, «резко разграничиваются на тексты сугубо фантастического плана (три — распространенные у селькупов описания “шаманской дороги”) и на собственно рассказы о жизни шаманов (шаманы лечат, гадают — пять текстов)» [Кузнецова, Хелимский 1989: 52]. Именно в силу этого разграничения в данной аннотации к текстам используются только те тексты о жизни шаманов, которые можно отнести к числу фольклорных.

Скорость изменений в жизни страны в целом сказывается и на жизни селькупов, описываемой здесь с позиций начала XXI в., хотя первые экспедиции к тазовским селькупам проводились в 1970—73 гг. и 1977 г. Приводимые в дальнейшем примеры по большей части соответствуют состоянию и образу жизни селькупов в последних десятилетиях XX — начале XXI в.

Затухание сказочной традиции в селькупском фольклоре напрямую связано с разрушением селькупского языка, которым молодое поколение владеет очень плохо. И то, и другое (затухание сказочной традиции и забвение селькупского языка) происходит под сильным влиянием русского языка и русской сказочной традиции, которой подражают селькупские сказочники. В результате появляются **гибридные сказки** — русские по содержанию и отдельным заимствованным деталям, но селькупские по форме изложения и исполнению.

Постепенно происходит разрушение сказочной традиции, что отчетливо видно по записям одной и той же сказки, сделанным в близлежащих районах проживания селькупов с интервалом в 30 лет. Сказка о Томнэнке и Нэтэнке (*tōmnāŋka* < *tōmtä* ‘лягушка’; *nätāŋka* < *nätäk* ‘девочка, девушка’) была записана Л. А. Варковицкой 14 июля 1941 г. на р. Баиха от 14-тилетнего Гани Мантакова, отец и мать которого — баишенские селькупы. Как и для многих селькупских текстов, для этой сказки характерна рекурсивная (повторяющаяся) структура [Варковицкая Архив, тетрадь 4: 31—48]; в ней много сюжетных линий и захватывающих эпизодов, богатая лексика и яркий образ Томнэнки-ведьмы. Ср. ту же сказку в [ОчСЯ 1993: 12—13, текст № 3; 49—52, перевод]: этот вариант был записан в 1973 г. в с. Красноселькуп от Ивана Алексеевича Калина (пастух-оленеvod 1936 г. р., начальное образование). В этом варианте сказка имеет более простой сюжет и содержит меньше эпизодов, а ведьма-оборотень Томнэнка менее коварна. В этом тексте сказки много лакун (по сравнению со сказкой 1941 г.), не позволяющих четко понять ход событий. Мотивы второй половины сказки, связанные с кражей ребенка и опознанием его с помощью струи молока, попавшей прямо в рот ребенку из груди матери, встречаются и в кетских сказках. Сравнение двух вариантов одной и той же сказки, один из которых был записан от 14-тилетнего подростка в 1941 г., а другой — от взрослого мужчины-сказочника 37 лет в 1973 г., свидетельствует о процессе забвения селькупского фольклора (чему способствовали запрет говорить детям на родном языке в школе и война 1941—1945 гг., усилившая русификацию селькупов).

Отличительной чертой каждого поколения (в меньшей мере — полупоколения) является тематика рассказов, характерная для той или иной возрастной когорты, связанная с повседневностью и обычно далекая от тем, навеянных идущим от древних времен мировосприятием (или иначе, как писал Г. Н. Прокофьев, «чувственной стадией мышления»). Человек часто рассказывает не о каких-либо определенных событиях в своей жизни, не обо всей своей жизни, а вспоминает лишь (без всяких наводящих вопросов и просьб) врезавшиеся в память отдельные истории, делится своими размышлениями о жизни молодых и старых людей и т. д. Записей такого типа едва ли не больше всего; они, будучи скомпонованы в произвольном порядке, создают мозаичную картину жизни самого рассказчика.

Однако в дальнейшем речь пойдет не о записях событий из повседневной жизни селькупов, а о произведениях т. н. малого вида фольклора — о синтетических паремиях, многие из которых встречались и в материалах Л. А. Варковицкой (в виде устойчивых словосочетаний, статус которых бывает трудно определить). Например, в [Варковицкая Архив, тетрадь 4: 46—46а] приводится слово *sel'čimьntь* ‘туда и сюда, взад и вперед’: *Sel'čimьntь qumьt qasātьt* ‘В разные стороны люди уехали (по семи сторонам)’.

3. Синтетические паремии (приметы, загадки, пословицы, поговорки и т. д.)

Синтетические паремии, о составе которых среди лингвистов и фольклористов ведутся непрекращающиеся споры, сохранились едва ли не в большей степени, чем сказки и, тем более, чем шаманские тексты или героический эпос. К паремиям (от др.-греч. *παροιμία* ‘притча’) относят несколько десятков

мелких жанров: приметы, загадки, пословицы, поговорки, прибаутки, магические речения, поверья, вещие сны, мининарративы (велеризмы), головоломки, присловья, афоризмы, сравнительные обороты и т. д. [Крикман 1995]. Нравоучительные поговорки, пословицы, приметы и загадки оказались наиболее жизнеспособны, примеры чему приводятся в данном разделе ниже.

В древне- и среднерусском языке слово паремия, в соответствии со значением среднегреческого источника заимствования, обозначала «притчи», небольшие сюжетные фрагменты Священного Писания поучительного содержания. В литургической терминологии паремии это отрывки из книг Священного Писания, которые читаются за богослужением в чинопоследованиях Вечерни, Всенощного бдения и молебнов. Паремии содержат в себе пророчества о празднуемом событии или хвалу святому, память которого совершается. Жанр церковнославянской литературы, называемый "паремейник" - это сборник для богослужения и домашнего чтения, соответственно, содержащий как литургические паремии, так и собственно упомянутые выше "притчи". В современной филологической терминологии к синтетическим паремиям относятся не только приметы, побасенки и перечисленные выше слова, но нередко даже фразеологизмы и другие типы сочетаний, называемые паремиологическими (или фольклорными).

В начале нового тысячелетия в с. Красноселькуп еще были знатоки селькупского фольклора, от которых удалось записать немало текстов и множество синтетических паремий. Среди селькупских синтетических паремий распространены **предсказания**, причем чаще — чего-либо плохого, реже — хорошего. Иногда одна и та же ситуация воспринимается как энантиосемичная, т. е. может быть истолкована и в хорошем, и в плохом смысле. По словам Г. Л. Пермякова, «подлинной темой какой-либо пословицы или поговорки является не то или иное слово, не та или иная мысль и даже не та или иная область человеческой деятельности, а некая инвариантная пара противопоставленных сущностей, к которой сводится смысл употребляемых в данной пословице образов» [Пермяков 1978: 105]. Можно привести примеры разных типов селькупских паремий, записанных в разные годы (в том числе и Л. А. Варковицкой) в с. Фарково (Туруханский район Красноярского края) и с. Красноселькуп (ЯНАО).

Kötyrapok 'к беде': *Tap qumyt tata qajqyt tama omtysy — na kötyrapok, torä esente* 'Этот человек где-то (в доме) полевою мышью (лемминга) увидел — к беде (например, к смерти, к покойнику); беда будет'. В диалектологическом словаре селькупского языка [Казакевич, Будянская 2010: 44] зафиксирована форма *kötyra-nõžy* 'не к добру' (в отличие от приведенной выше формы, зафиксированной в 2003 г. в с. Фарково). Встречается также **нравоучительная поговорка**: *Košqoly yky oryšäšik! Ilytäränty nammy tatqenty koškenta*. 'Не делай плохо! В жизни тебе будет плохо'.

При воспитании детей, установлении норм поведения в быту и на природе, их знакомили с различными запретами: нельзя обращаться к огню с плохими словами, играть с зажженной лучиной, втыкать в землю нож или топор, свистеть в чуме и т. д. При этом говорилось, что именно может произойти с девочкой или мальчиком в случае нарушения запрета: если девочка убьет паука — у нее будут теряться иглы, наперсток; если мальчик — лук и стрелы. В некоторых случаях **предостережение** может спасти от каких-либо неудач: *Poqqyła kytap qatqa aša nōtna — tap qalyр koččik tattäntyт* 'Рыбача, паука убивать не надо — он рыбы много доставит'. Нередко предостережение близко к предсказанию: *Söncipyл čopsy tettonDy yky loqyrypät* (или *loqyrät*) *söränta* 'Пустой (без мяса) рожень в землю не втыкай — будет дождь'.

Некоторые **ситуации** всегда истолковываются как **опасные**, например, когда речь идет о тени (*tīqä / tikä* 'тень', *ilyл tīqä* 'отражение человека'): *Iränty tikäl pīt qälympa qur, a ilyл tīqä aj tepsä qälympa. OnDy ilyл' tīqäsä yky sontyryqo. OnDoqyndy košyq enta*. 'По отражающей свет дорожке идет человек, а живая тень тоже с ним идет. Со своей тенью (нельзя) играть! Самому плохо будет'. Так говорят детям, которые прыгают и смотрят, как их тень делает то же самое: ребенок ночью либо не уснет, либо заболит (или кто-то умрет). Может быть другой вариант: *t/qiqänty yky čelčänty — qunnanty!* 'тень свою не топчи — умрешь!'; или еще короче (хотя не так страшно): *tatqänty koški enta!* 'тебе плохо будет!'

Провидческие (вещие) сны предсказывают смерть человеку, во сне увидевшему покойника живым [Кузнецова 2007: 101]. Менее страшная (но часто проносимая) **примета**: станешь худым, если ешь остаток пищи. *Čəpsoqyt qalympyл apsyт tuka yk(y) amty — čəpsol čarä tyšäenty* 'На рожне (вертеле) оставшиеся крошки пищи не ешь — как рожень похудеешь'.

Встречаются у селькупов **пословицы** и **поговорки** нравоучительного характера, например: *soma nušinty nōny kanak ašša paktenta* 'от хорошего хозяина собака не убежит'; *utantyса ütə(y)p ašša orqylenta* 'рукой воду не схватишь'.

Приметы складывались веками и стали результатом острой наблюдательности селькупов. Так, все селькупы знают, что *täl'tipa kuttar wəšienta, šāt muntыk karrä narontы panišqətyт* 'овод как поднимется, олени все сразу на тундру выходят'. Зафиксирована и такая примета: *Poqqyła kytap yky qətyт — mykal iürända* 'Рыбача, паука не убивай — иголка потеряется'. Последняя примета свидетельствует о большой

ценности иголки и других швейных принадлежностей (например, наперстка) в таежной и тундровой жизни селькупов [Кузнецова 2007: 42].

Если долго нет зимы, селькупы совершают обряд: *Čanyqyl' soma čelyty eqänto syryl' kūmyl' nómar mēkkōt i mōtqōtyt nómot melsa* 'Светлый, хороший день чтобы был, снежного кровавого зайца делают (т. е. красят красной краской) и бьют зайца прутиком'. Часто можно было услышать примету: *Šōncīpyl' čōpsy tettonDy uky loqyrympät (loqyrät) — sōrenta* 'Пустой (без мяса) рожень в землю не втыкай — будет дождь'.

В разных говорах и записях, сделанных разными лингвистами (часто в разные годы), легко натолкнуться на расхождения в фиксации ряда слов: например, слово со значением 'пустой' может быть записано как *сўньчыпыль*, *шўньчыпыль* и даже как *сōньчипыль*. При этом далеко не всегда указывается, в каком говоре или населенном пункте и от человека какого возраста была сделана запись.

4. Сомнения, предположения, рассуждения и примечания Л. А. Варковицкой

Тетрадь, первоначально значавшаяся под № 2 (позже зачеркнуто и заменено на № 4), содержит девять текстов, записанных Л. А. Варковицкой в период с 13 по 27 июля 1941 г. Три из этих текстов (три сказки) были записаны от 14-летнего Гани Мантакова, отец и мать которого — баишенские селькупы. Селькупский текст записывается на левой стороне, а на правой даются переводы отдельных слов (при этом возможен комментарий, как например: «перевод сомнительный»).

Последняя (третья) сказка, записанная от Гани Мантакова, — широко известная «детская сказка о хитром малыше, побеждающем черта-старика. Есть бытовые подробности жизни селькупов» [Варковицкая Архив, тетрадь 4: 49—55]. Именно эта сказка — *Pučika čurikal' čaptæ* («Пучика-Чурика сказка») — была опубликована.

Вторая сказка — *Tānpenka aj nātenka* («Томненка и Нэтэнка») — была определена Л. А. Варковицкой как «фантастическая»: «Действующие лица — люди (мать, ребенок), животные, но не реальные, покойники; превращения; в конце концов победа людей над злыми чарами» [Варковицкая Архив, тетрадь 4].

Первая сказка, по рекомендации ее рассказчика Гани («так предложил диктор Ганя Мантыков»), называется *Муть ильтрыя* (в переводе Л. А. Варковицкой — 'Война жила будто'). Сказка *Муть ильтрыя* 'Война жила будто', записанная на русском языке 24 августа 1941 г., была названа «О войне с духами В. С.» [Варковицкая Архив, тетрадь 4: 27—30]. В этой сказке помещена фраза, для которой Л. А. Варковицкая предложила нетривиальный перевод и сопутствующее ему сложное слово. «*Nьн на тьрт qumьt nil'cik laŋkьsqolamnātьt: "Sərьt tetil' mь čuььlbьt!"* Потом эти чертовы люди так кричать стали: "Белоподбородочные (т. е. те, у кого белое место между кадычком и подбородком), стреляйте!"» [Варковицкая Архив, тетрадь 4: 28—28а].

В этой сказке есть еще одна фраза, обратившая на себя внимание Л. А. Варковицкой: «*Nātenka tānpenkat oloqьt šittь čəp qatolnьt qomьlqo lakat kal'təlimpat*. Девка лягушки в голове дважды лишь чеснула, жуков кучки ходят. Перевод сомнительный» (о подчеркнутых словах) [Варковицкая Архив, тетрадь 4: 31]. В [ОчСЯ 1993: 164] слово *qomьlqo* имеет значение 'водяное насекомое, в которое, по поверьям, превращается душа покойника'. В тетради Л. А. Варковицкой встречается написание данного слова как *qomolko* 'жук' [Варковицкая Архив, тетрадь 4: 31а]. Остается неясным, изменилось ли произношение данного слова за (почти) полвека или недостаточно аккуратно были сделаны записи (в том или ином случае); не исключено также, что за истекшее время могли произойти изменения и в самом языке. В [Казакевич, Будянская 2010: 59—60] данное слово с пометой «среднегазовский говор» зафиксировано как *жомыльцо* — с тем же значением 'водяное насекомое, в которое превращается душа покойника'. Обилие и разнообразие шрифтов затрудняет распознавание произношения и его возможного изменения за 70-летний период (текст Л. А. Варковицкой — 1941 г., шрифт [ОчСЯ 1993] и шрифт [Казакевич, Будянская 2010], ориентированный на [Селькупский язык 2002]).

Л. А. Варковицкая поражает критичностью к себе и аккуратностью в записях. Так, иногда на правой странице приводятся разные формы встретившегося в тексте глагола: в самом тексте слева дан перевод глагола *qatolnьt* «чеснула, дернула», а на правой странице записаны три глагола — *qatolqo* «чеснуть», *qatolalqo* «чеснуть» и *qatьtqo* «чесать» [Варковицкая Архив, тетрадь 4: 31а].

Особенно внимательно относится Л. А. Варковицкая к грамматическим ошибкам. В [Варковицкая Архив, тетрадь 4: 37] она обращает внимание на фразу: «*Nьн на čātь nannь qəntātьt. Čəp qoŋātьt šittь qumogьj pačitəntātьt (pačitātьt)*. Потом того ради (к тому месту) идут. Лишь увидела 2 людей рубят». Перевод этой фразы вызвал у Л. А. Варковицкой не только удивление, но и затруднение в переводе: «ни какого <sic!> тебе двойственного числа!» [Варковицкая Архив, тетрадь 4: 37а]. Трактовка последней фразы неоднозначна (в силу записи количества людей цифрой): то ли два человека что-то рубят, что наиболее вероятно; то ли двоих человек (людей) рубят другие люди.

Л. А. Варковицкая легко замечает не только лексическую омонимию, но и случаи **омонимии** слов и их суффиксов: «*Nьнь natenkat ira tokkaltəlx səttə qənnəttət*. Потом девки муж, надев (видимо, *tol'čimty* 'свои лыжи') в тайгу пошли» [Варковицкая Архив, тетрадь 4: 39]. Эта фраза показалась странной Л. А. Варковицкой, и она написала вопрос (сокращенные слова расшифрованы): «К чему множ(ественное) число (?), наверно, пропущено про мужа лягушки. *Nьнь... ontə tol'čimty nьk əttət*. Потом... свои лыжи туда спрятала» [Варковицкая Архив, тетрадь 4: 39a]. И далее: «*nьk* — туда. А также это суфф(икс) дат(ельного) напр(авительного) падежа — очень забавно! Сначала опред(еленные) глаг(олы) могли быть лишь в одном виде или врем(ени), т. е. вида не было, а была лексема. Затем сочет(ания) букв(ально) вход(или) в тот или иной глаг(ол) с опред(еленным) действ(ием) грамMAT(ическим) и были уже видов(ые) суфф(иксы)» [там же].

Фраза «*Natenkat ira tāmnenkal'mьsə qənnəttət aj natenkap sokal' ijanьsə mättə koptoqyt to (čattəny) čattəttət*. Девки муж с лягушками пошли, снова девку с “сучкиным сыном” чума на месте бросил» [Варковицкая Архив, тетрадь 4: 41] прокомментирована Л. А. Варковицкой [там же: 41a]. На полях тетради она обращает внимание на «множественное число после совместного»: *tāmnenkal'mьsə qənnəttət*; здесь же указывается на возможное смешение одушевленного существительного с неодушевленным [там же: 41a].

При переводе предложений на русский язык у Л. А. Варковицкой нередко возникают сомнения и другого рода: так, фраза *Soka ija nil'čik kəttəny* переводится как «Сучкин сын так сказал» [Варковицкая Архив, тетрадь 4: 42], однако, по словам исследовательницы, «*soka* — в именительном падеже и не оформлено как прилагательное» [Варковицкая Архив, тетрадь 4: 42a]. Сомнения подобного рода встречаются часто.

Для селькупского языка (как и других самодийских) характерно употребление **предикативной формы существительного**, о чем можно судить и по следующему примеру: «*Tat iral' qumənty (quməntəntə), ətol kətət*. Ты старый человек есть (буквально “ты человекаешь”), слово твое скажи» [Варковицкая Архив, тетрадь 4: 47]. Выделенное слово представляет собой предикативную форму существительного *qum* ‘человек’ (во втором лице единственного числа), что нечасто встречается в настоящее время [ОЧСЯ 1980: 189—190].

Л. А. Варковицкая обращает внимание и на **глагольные категории**. В частности, она нередко указывает на проблемы, связанные с видом, и приводит много примеров с глаголами совершенного вида: *nьleqo* ‘встать’, *čelčelolko* ‘затоптать’, *čəqolqo* ‘воткнуть’, *riqo* ‘переплыть’ и т. д. [Варковицкая Архив, тетрадь 4: 43—44]; в связи с этим отмечается, что «информанты упорно не дают инфинитива несов(ершенного) вида, определенно становится временем» [Варковицкая Архив, тетрадь 4: 44a]. Впрочем, на других страницах находится немало примеров, опровергающих это замечание: *tiqutryqo* ‘скрипеть’, *tutəqo* ‘жевать’, *lapьtrьqo* ‘трепетать, биться’.

Синтаксис селькупской устной речи с фиксированным **порядком слов** во времена Г. Н. Прокофьева претерпел значительные изменения к периоду работы Л. А. Варковицкой. Это хорошо заметно по многим текстам в полевых тетрадях Л. А. Варковицкой, где то и дело встречаются примеры с перестановкой слов, затрудняющей перевод и понимание фраз. «*Nьнь ija nil'čik kəttəny*: “Mat kuššat čelьntьqək tāmnenka mašip kuraltьləkossarьl' pərentь čattьsa, xəxəp nьнь konnə šip isa”. Потом парень так сказал: “Моего когда рождения во время лягушка меня, унеся в мамонтов плес, бросила, мать моя потом на берег меня взяла» [Варковицкая Архив, тетрадь 4: 47—48]. В маргиналии Л. А. Варковицкая дает примечание к подчеркнутой фразе: «Интересно это разделение mat и čelьntь словом *kuššat*» [Варковицкая Архив, тетрадь 4: 47a].

Л. А. Варковицкая также отмечает на полях тетради, что нередко носители языка передают лишь смысл фразы, «отдельные же слова (подчеркнутые) объяснить не могут»: «*Mat tāmnenkal' xənxəttə punit nāšša pal'qasə šьp apьtьka. Ontə nunit čəntoqьl qəl lakap amqьlel'čəmpat*. Моя лягушечья невестка-моя налимым тогда хвостом меня кормила. Сама налима на середине находящийся рыбы кусок кушает». Построение фраз и порядок слов здесь нетривиальны. Перевод на русский язык был бы более понятным при слегка измененном порядке слов: «сама же (невестка) находящийся на середине рыбы кусок кушает» / «сама же... кушает кусок, находящийся на середине»... Или предшествующая фраза: «тогда налимым хвостом меня кормила». Однако в большинстве приводимых примеров зафиксирован принципиально иной порядок слов, чем в русском языке, что свидетельствует о хорошей сохранности родного языка информантов-селькупов в период работы Л. А. Варковицкой.

Наибольшую ценность в маргиналиях рассматриваемых архивных материалов представляют собой лексические и грамматические (в том числе синтаксические) примеры. Часто Л. А. Варковицкая отмечает и особенности фонетического характера; нередко именно фонетические разночтения вызывают сильное желание понять, чем их можно объяснить.

Фонетические маргиналии не сразу бросаются в глаза человеку, читающему записи Л. А. Варковицкой. Редко обращает на них внимание и сам автор; например, в «Русской сказке» (такое название да-

но тексту, записанному от С. П. Кусамина) наблюдаются сомнения самой исследовательницы по поводу того, как записать услышанное: «*Ira nil'čik kəttʔtʔ: "Mat qata qumtæk tē maigæk (mat niqæk) šəqəŋəlbʔ!"* Старик так сказал: "Я если умру, вы на мне заночуйте!"» [Варковицкая Архив, тетрадь 6: 8]. На полях тетради появляется запись: «*mat (n)iqæk* — на мне, интересно это второе п, очень часто говорят» [там же: 8]. Внизу той же страницы встречается фраза *Mat ašša (Mat našša) kəkak* «Я не хочу», а вслед за ней: «*Mat našša* и подобные штучки довольно часты, я до сих пор не отмечала» [там же: 8].

«Подобных штучек», как их назвала Л. А. Варковицкая, при внимательном чтении обнаруживается немало, причем нередко они остаются без ответа. Так, в той же шестой тетради встречается фраза: «Моей груди конец (сосок) вытерев, сына кормила (я)», где слову *сына* соответствует *ijamkæ* [Варковицкая Архив, тетрадь 6: 6]. На полях тетради появляется вопрос автора: «Что это за *kæ?*»; рядом дано задание самой себе: «Сочетание *kæ* и видов(ых) показат(елей) посм(отреть) в тетр(ади) № 6» [там же: 6]. Ответ можно найти в [Варковицкая Архив, тетрадь 4: 86а]: «*ke* — частица ведь». Иными словами, в записях Л. А. Варковицкой возможны (и достаточно часты) изменения в написании и значении одного и того же слова, что можно объяснять по-разному. В любом языке существуют фонетические разночтения, что может зависеть как от особенностей говора или возраста говорящего, так и от диалекта (см. выше примеры в разделе 3). Изменения в написании и значении одного и того же слова можно видеть на примере упоминаемых слов *kæ / ke* или глагола *kəmylʔo*.

Как было показано на ряде примеров, для имен характерно смешение форм существительных и прилагательных, а также одушевленных и неодушевленных существительных. Нередки случаи отсутствия форм двойственного числа. Иногда перестановки слов и их произвольный порядок, часто встречающиеся в текстах информантов, затрудняют понимание смысла. Обращает на себя внимание наличие предикативных форм существительных, а также омонимия слов и суффиксов. Несколько в меньшей мере фиксируются синтаксические изменения. При этом следует помнить, что в последнее время количество говорящих на селькупском языке все уменьшается.

Частые сравнения, предположения и сомнения, высказываемые Л. А. Варковицкой, свидетельствуют об огромной ответственности, которую она ощущала за проделанную работу, сохранившую свою значимость до настоящего времени.

Сокращения

букв. — буквально

др.-греч. — древнегреческий язык

ср. — сравните

Литература

Варковицкая 1947 — Варковицкая Л. А. Глагольное словообразование в селькупском языке (по материалам баишенского говора). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1947 (рукопись).

Варковицкая 1951 — Варковицкая Л. А. Русско-селькупский словарь Афанасия Григорьевича Сайготина: Более 900 слов. Фарково, 1951 (рукопись, 26 л.).

Варковицкая Архив — Варковицкая Л. А. Архивные рукописи (11 тетрадей): Полевые материалы 1940—1941 гг.

Варковицкая Красноселькуп 1951 — Варковицкая Л. А. Селькупский фольклор. Красноселькуп, сентябрь 1951 г. (рукопись).

Жулев 1934 — Жулев П. Н. Тоqьлтʔtʔæt cāʔtʔ toqьлтʔtʔsāʔtʔl' nəkьɣl laka (posukol' pelæktʔ). Книга для чтения на селькупском языке: первый год обучения / Пер. на сельк. Прокофьева Е. Д. Л., 1934.

Ириков 1988 — Ириков С. И. Словарь селькупско-русский и русско-селькупский: Около 4000 слов. Пособие для учащихся начальной школы. Л., 1988.

Казакевич 2008/2009 — Казакевич О. А. Архив Г. Н. и Е. Д. Прокофьевых: Самодийские языковые материалы // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. Bd. 32/33. Hamburg, 2008/2009. S. 256—278.

Казакевич, Будянская 2010 — Казакевич О. А., Будянская Е. М. Диалектологический словарь селькупского языка (северное наречие) / Под ред. Казакевич О. А. Екатеринбург, 2010.

Крикман 1995 — Крикман А. Паремииологические эксперименты Г. Л. Пермякова // Малые формы фольклора. Сборник памяти Г. Л. Пермякова. М., 1995. С. 338—382.

Кузнецова 1976 — Кузнецова А. И. Календарные названия в самодийских языках // Языки и топонимия. Томск, 1976. С. 45—49.

Кузнецова 2007 — Кузнецова А. И. Селькупы Туруханского района Красноярского края на рубеже II и III тысячелетий: Социолингвистическая ситуация и языковые изменения. Воронеж, 2007.

- Кузнецова 2008/2009 — *Кузнецова А. И.* О чем могут рассказать маргиналии в полевых тетрадах Л. А. Варковицкой // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. Bd. 32/33. Hamburg, 2008/2009. S. 363—373.
- Кузнецова, Хелимский 1989 — *Кузнецова А. И., Хелимский Е. А.* Селькупские материалы в рукописном наследии Л. А. Варковицкой // *Советское финно-угроведение*, XXV. № 1. Таллинн, 1989. С. 51—53.
- Мифология селькупов 2004 — *Энциклопедия уральских мифологий*. Т. 4. Мифология селькупов / Сост. *Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Тучкова Н. А., Ким-Мелони А. А., Глушков С. В., Байдак А. В.* Томск, 2004.
- ОчСЯ 1980 — *Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Казакевич О. А., Грушикина Е. В.* Очерки по селькупскому языку: Тазовский диалект. Т. 1. М., 1980.
- ОчСЯ 1993 — *Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Иоффе Л. Ю., Хелимский Е. А.* Очерки по селькупскому языку: Тазовский диалект. Т. 2. Учебное пособие. М., 1993.
- ОчСЯ 2002 — *Казакевич О. А., Кузнецова А. И., Хелимский Е. А.* Очерки по селькупскому языку: Тазовский диалект. Т. 3. Русско-селькупский словарь. М., 2002.
- Пермяков 1978 — *Пермяков Г. Л.* О смысловой структуре и соответствующей классификации пословичных изречений // *Паремиологический сборник: Пословица, загадка (структура, смысл, текст)*. М., 1978. С. 105—135.
- Прокофьева 1935 — *Прокофьева Е. Д.* Тоq̄l̄t̄p̄t̄æt̄ c̄ā̄t̄ tantalt̄p̄s̄ā̄t̄l̄ laka (П релæкть). Учебник для второго класса начальной школы на селькупском языке. М.—Л., 1935.
- Селькупский язык 2002 — *Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Грушикина Е. В., Хелимский Е. А.* Селькупский язык. Учебное пособие для педагогических колледжей и высших учебных заведений. СПб., 2002.
- Тучкова, Хелимский 2010 — *Тучкова Н. А., Хелимский Е. А.* О материалах А. И. Кузьминой по селькупскому языку. Hamburg, 2010.
- Selkup Mythology 2010 — *Encyclopaedia of Uralic Mythologies*. Vol. 4. Selkup Mythology / *Kuznetsova A. I., Kazakevich O. A., Tuchkova N. A., Kim-Malony A. A., Glushkov S. V., Bajdak A. V.* Budapest—Helsinki, 2010.